

Автор: иерей Александр Князюк
«Хроники Нарнии» и «Добротолюбие»

Человек становится христианином-неофитом, после того, как его настигает «радость». Но как протекает жизнь новообращенного? Как он воспринимает новые для него духовные реалии? Об этом и рассказывает К.С. Льюис в своих трудах. Очень важно здесь раскрыть позицию православной аскетики.

Конечно, мы не ставим «Хроники Нарнии» наряду с «Добротолюбием». Мы рассматриваем художественное произведение К.С. Льюиса с позиции учения отцов-аскетов. Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы раскрыть психологию неофита гораздо шире, чтобы объяснить на языке аскетики то, что открывается нам на языке художественной литературы. Такой анализ актуален для православных неофитов, которые впервые знакомятся с произведениями К. С. Льюиса, ведь то, что могло остаться незамеченным, выступает в роли «духовного комментария» Отцов Церкви.

Есть один удивительный момент во всем творчестве К. С. Льюиса. Мы часто встречаем идейное сходство с Восточными Отцами Церкви, но сам Льюис практически почти не встречался с Православием. Читая его, мы почти не встретим прямых ссылок на православных богословов. Это неудивительно. Толкуя христианское учение, он ничего не говорит о конфессиональных особенностях, и не случайно, а осознанно, намеренно. В апологетических трудах он подчеркнуто избегает межконфессиональной полемики, сосредоточиваясь на том, что объединяет христиан.

Использовал ли он хотя бы греческих Отцов, которые так весомы в Православии? Иногда в общих словах, он говорит о патристике; например, пишет: «Мы защищаем то, что проповедовали апостолы, свидетельствовали мученики, воплотил Символ веры, истолковали Отцы»¹. Однако ссылок на

¹ Цит по: Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели. М., 2006. С 571

этих Отцов у него очень мало, а если он кого и цитирует, то западных – чаще всего блаженного Августина.

Но если сохраняется то, что является общим для богословия всех христианских конфессий, мы несомненно можем оценивать его труды, в частности психологию неофита, с позиции православной аскетики.

В «Хрониках Нарнии» немало мест, где описывается психология новоначального христианина, в лице героев сказки, встретивших Аслана, и ставших его друзьями.

Первое, о чем бы хотелось здесь сказать, это то, как неофит познает Любовь Божью к своему творению. Это очень важно в жизни неофита, потому что понимание этого наполняет его веру смыслом. В «Племяннике Чародея», первой повести «Хроник Нарнии», Дигори просит Аслана исцелить его больную маму:

« — Только... только вы не могли бы.. как-нибудь, если можно... вы не могли бы помочь маме?

Впервые за весь разговор мальчик посмотрел не на тяжелые передние лапы льва, украшенные грозными когтями, а на его морду — и в изумлении увидел, что лев успел наклониться к нему, и в глазах его стоят слезы — такие крупные и блестящие, что горе льва на миг показалось Дигори больше его собственного».

Лев Аслан печалится о больной маме Дигори еще больше чем сам сын. Как лучше можно выразить любовь Божью к человеку на языке художественной литературы? К. С. Льюис объяснил ее на замечательном примере. Господь любит нас так, как никто никогда на земле не сможет полюбить, любит больше, чем наши родители и родственники. Его любовь безмерна, что открывается нам через Его воплощение и крестные страдания.

Преподобный Антоний Великий говорит об этой любви и благодати Божией следующее: «Бог Отец по Своей благодати не пощадил Сына Своего Единородного, но предал Его для избавления нас от грехов и неправд наших.

И Сын Божий, смилив Себя ради нас, исцелил нас от душевных болезней наших и устроил нам спасение от грехов наших»².

В «Хрониках» имеет место тема смирения. В повести «Конь и его мальчик» мы встречаем такой диалог:

« — Аслан, — проговорил Игого, — мне кажется, я глуп.

— Счастлив тот зверь, — отвечал Аслан, — который понял это в молодости. И человек тоже»³.

Перед нами предстает образ неопита в лице героя сказки, коня Игого, который впервые встречается с Асланом, и перед лицом которого видит себя глупым.

В повести «Принц Каспиан» мы встречаем аналогию:

«— Добро пожаловать, принц, — произнес Аслан, — чувствуешь ли ты себя достойным взять королевство Нарнию?

— Я... я не думаю, что достоин, сэр, — ответил Каспиан. — Я ведь только ребенок.

— Отлично, — сказал Аслан. — Если бы ты чувствовал себя достойным, это было бы доказательством того, что ты не подходишь. Итак, под нами и под Верховным Королем, ты будешь королем Нарнии, Лордом Кэр-Паравела и Императором Одиноких Островов»⁴. Каспиан считает себя недостойным быть королем, называет себя ребенком.

В этих двух эпизодах К. С. Льюис показывает нам образ смирения. Здесь неопит со смирением обращается ко Господу. Видит себя недостойным и глупым в очах Божиих.

О том же смирении говорит преподобный Исаак Сирин: «Истинные праведники всегда помышляют в себе, что недостойны они Бога, и самое то, что они истинные праведники, дознается из того, что они признают себя окаянными и недостойными попечения Божия и исповедуют сие тайно и явно умудряются на сие Святым Духом, чтобы пребывать в труде и тесноте, пока

² Антоний Великий, преп. Творения. М., 2007. С.172

³ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 285

⁴ Там же. С. 409

находятся в жизни сей... Достиг ли кто смирения, узнает он из того, если находит для себя гнусным угождать миру своим общением с ним или, словом и если в глазах его ненавистна слава мира сего»⁵.

Есть одно место в «Хрониках Нарнии», где К. С. Льюис замечательно показывает нам молитву неофита. Здесь нет той высоты, нет того «дыхания духа», о котором говорят отцы-аскеты. Но есть «простота», «детское зывание» к Богу, которые присущи молитве новоначального христианина. В «Племяннике Чародея» Дигори обращается к Аслану с просьбой:

«— Простите... господин Лев... Аслан... сэр, — заикался Дигори, — вы не могли бы.. то есть, вас можно попросить дать мне какой-нибудь волшебный плод из этой страны, чтобы моя мама выздоровела?»⁶.

Но для Аслана не важен строй речи, обращенной к нему. Для него главное – намерение просящего. В этой же повести мы находим эпизод, подтверждающий это:

«— Можно, мы пойдем домой? — спросил Дигори, забыв сказать спасибо. Но Аслан его понял»⁷. Аслан понял мальчика. Он не гнушается человеческой простотой и не требует какого-то «официального» обращения к себе. Для него важно намерение. Прекрасно показывает здесь художественный образ отношение Бога к человеку.

Несколько мест в «Хрониках» образно раскрывают духовную брань неофита. В «Покорителе Зари» герои сказки попадают в необычайно жуткое место и слышат, как изо всех сторон настигают какие-то звуки: «Даже довольно сильный шум весел не мог скрыть полной тишины, окружавшей корабль. Каждый знал, что лучше не вслушиваться, не напрягать уши, чтобы не слышать звуки, доносящиеся из тьмы. Однако, мало кто смог удержаться от этого. Вскоре все начали что-то слышать, причем каждый слышал что-нибудь свое.

⁵ Добротолюбие для мирян. М., 2001. С. 38

⁶ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 67

⁷ Там же. С. 87

— Вы не слышите, вон там, шум... как будто пара гигантских ножниц открывается и захлопывается? — спросил Юстас у Райнелфа.

— Тише! — ответил Райнелф. — Я слышу, как они ползут по бокам корабля.

— Оно как раз собирается усесться на мачте, — проговорил Каспиан.

— Брр! — воскликнул один из матросов. — Вон, начинают бить в гонги. Я так и знал.

Каспиан, стараясь ни на что не глядеть, и в особенности, не оборачиваться, отправился на корму к Дриниэну.

— Дриниэн, — очень тихо спросил он, — сколько времени нам потребовалось на то, чтобы догрести вперед — я имею в виду, до того места, где мы подобрали незнакомца?

— Ну, может, минут пять, — прошептал в ответ Дриниэн — А что?

— Мы уже дольше пытаемся выбраться отсюда.

Лежавшая на руле рука Дриниэна задрожала, холодный пот заструился по его лицу. Всем на борту пришла в голову одна и та же мысль.

— Мы никогда, никогда не выберемся отсюда, — застонали гребцы. — Он неправильно ведет корабль. Мы все время движемся по кругу. Мы никогда не выберемся отсюда.

Люси прижалась головой к перилам и прошептала:

— Аслан, Аслан, если ты хоть когда-нибудь любил нас, помоги нам в эту минуту.

Темнота не начала рассеиваться, но она почувствовала себя немножко — самую чуточку, лучше»⁸.

Несомненно, здесь К. С. Льюис хочет сказать нам о духовной брани, которая случается с новоначальными христианами. У преподобного Исаака Сирина мы находим такие слова: «У сопротивника нашего диавола есть древний обычай со вступающими в подвиг хитро разнообразить борьбу свою — соответственно образу вооружения их, и, соображаясь с намерением

⁸ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 498

лица, изменяет он способ своего ратоборства. Которые ленивы произволением и немощны помыслами, на тех обращает особое внимание, и с самого начала сильно нападает на них, так что восставляет против них твердые и сильные искушения, чтобы в начале пути заставить их изведать все способы лукавства его, чтобы с первого подвига объяла их боязнь, путь их показался им жестоким и неудобопроходимым. И мало-помалу диавол усиливает с ними жестокую брань свою, чтобы обратить их таким образом в бегство»⁹.

Молитва – единственное средство против дьявольской брани. Люси обращается к Аслану за помощью и чувствует себя немножко лучше. У того же преподобного Исаака находим: «Призывай непрестанно Бога, плачь пред благодатию Его, сокрушайся и трудись, пока не пошлет тебе помощника. Ибо, если однажды увидишь близ себя Спасяющего тебя, не будешь уже побежден сопротивляющимся тебе врагом твоим»¹⁰.

К. С. Льюис построил здесь замечательную образную картину духовной брани новоначальных. Здесь есть и боязнь, и страх, и взывание к Богу.

Стоит выделить еще одно место из «Хроник Нарнии», где автор акцентирует свое внимание именно на помыслах персонажа. В повести «Серебряное кресло» Джил и Юстес погружаются в помыслы: «С какими бы добрыми намерениями ни сообщила им дама о Харфанге, слова ее в конечном счете подействовали на детей плохо. Теперь они только и думали о горячей еде, теплых постелях и крыше над головой. Ни об Аслане, ни о пропавшем принце речи уже не было. К тому же Джил перестала каждый вечер и каждое утро повторять свои знаки. Сначала она оправдывалась тем, что устала, а потом знаки и вовсе вылетели у нее из головы. Мысли о Харфанге даже не прибавили им бодрости, наоборот: теперь дети все больше жалели себя, ныли и раздражались»¹¹. Помыслы затмили разум Джил и Юстеса. Они перестали думать об Аслане, но постоянно помышляли о

⁹ Исаак Сирин, преп. Азбука духовная. М., 2001. С. 47

¹⁰ Там же. С. 128

¹¹ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 583

плотских удовольствиях. Так бывает и в жизни христианина, когда поглощен он помыслами бесовскими. К. С. Льюис говорит и о последствиях этих помыслов - тщеславие, уныние, самолюбие. Эта мысль в точности прослеживается у преподобного Максима Исповедника: «Частое возбуждение вожделевательной силы души влагает в душу непреодолимую привычку к делам сластолюбивым, а частое возмущение раздражительности делает ум робким и лишает мужества. Первую исцеляет продолжительный подвиг поста, бдения и молитвы; вторую – благостыня, человеколюбие, любовь и милосердие. Все страстные помыслы или возбуждают вожделевательную силу души, или возмущают раздражительную, или омрачают мыслительную, отчего случается, что ум слеп бывает для духовного созерцания и молитвенного восхождения»¹².

Немалая часть поучений отцов-аскетов посвящена страху Божьему. В «Хрониках Нарнии» есть один эпизод, показывающий страх неопита:

«— О-о-о, — протянула Сьюзен. — Я думала, он — человек. А он... не опасен? Мне... мне страшно встретиться со львом.

— Конечно, страшно, милочка, как же иначе, — сказала миссис Бобреха, — тот, у кого при виде Аслана не дрожат поджилки, или храбрее всех на свете, или просто глуп»¹³.

Люси боится Аслана, потому что он лев. Так и неопит боится Бога потому что Он всемогущ и непостижим, боится наказания за нарушение заповеди. Такой страх свойственен новонаначальному христианину, но в идеале он всегда сопряжен с любовью. Максим Исповедник ставит четкую границу между страхом неопита и страхом совершенным: «Страх Божий двояк: один рождается от угроз наказанием, от которого порождаются в нас по порядку: воздержание, терпение, упование на Бога и бесстрастие, из коего любовь. Другой – сопряжен с самою любовью, производя в душе благоговение, чтобы она от дерзновения любви не дошла до пренебрежения

¹² Максим Исповедник, преп. Творения. СПб., 2006. С. 103

¹³ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 137

Бога. Страх двояк: один чистый, а другой – нечистый. тот страх, который порождается по причине прегрешений, под действием ожидания мук, – нечист, так как причиною имеет сознаваемый за собою грех и не пребудет навсегда, потому что вместе с отъятием чрез покаяние греха исчезает. А тот, который и без этого боязливое беспокойства из-за грехов всегда стоит в душе, этот страх чист и никогда не отойдет, потому что он некако соприсущ Богу, как дань от лица тварей, проявляя собою естественное всем благоговеинство пред Его величием, превысим всякого царства и силы»¹⁴.

Есть еще немало мест в «Хрониках Нарнии», которые образно раскрывают психологию неопита. Здесь были проанализированы самые основные. К. С. Льюис порой до подробностей раскрывает психологию неопита, и многие эпизоды повторяют мысль того или иного православного Отца-аскета. Некоторые образы, конечно, не имеют глубины, а только повторяют идею, которая наблюдается в учении всех христианских конфессий. Но тем не менее, в большинстве случаев, мы можем вполне четко выстраивать здесь позицию православной аскетики, глубже раскрывать психологию новоначального христианина с помощью «духовных комментариев».

В «Хрониках Нарнии» очень много мест, посвященных покаянию, но эта тема требует подробного рассмотрения в отдельном подпункте.

¹⁴ Добролюбие для мирян. М., 2001. С. 187